

Маркус Виль

**Год Свиньи
и другие
приключения
времени**

Проза и стихи

Маркус Виль

**Год Свиньи и другие приключения
времени. Проза и стихи**

«Издательские решения»

Виль М.

Год Свиньи и другие приключения времени. Проза и стихи /
М. Виль — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508675-4

Сборник малой прозы и поэзии ориентирован на широкий круг читателей, жанровые эксперименты, экспрессия и метафоричность, смех и слезы, радости и печали бытия. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-508675-4

© Виль М.
© Издательские решения

Содержание

Визит уфолога	6
Феликс	9
Сила Улисса	12
Про лошадей и людей	15
Нормо sovetikus	17
Супрематическая поэма (1)	21
Не по кентовски	24
Капитан Беда	26
Свидание	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Год Свиньи и другие приключения времени

Проза и стихи

Маркус Виль

© Маркус Виль, 2019

ISBN 978-5-0050-8675-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Визит уфолога

Однажды в редакцию телекомпании «А» пришел известный уфолог. Назовем его Виктор К. Среднего роста, плотный мужчина с всклокоченной седой шевелюрой. И хоть на вид ему было чуть за пятьдесят – в глазах горел огонь фанатичной веры в неопознанные летающие объекты и в пришельцев.

– Что у вас? -деловито осведомился я.

– Сенсацию вам принес! -улыбаясь во весь рот, воскликнул Виктор К. и порывшись в перекинутой через плечо сумке, достал кассету – старую добрую VHS.

– Сенсация! – повторил он и энергично потряс «информационной бомбой».

Отдельно про его улыбку. Она ослепляла. Не в том смысле, что была голливудской, а в том, что состояла из двух рядов сплошных золотых зубов. Как если бы похитивший Виктора К. инопланетянин (не секрет, что многих уфологов похищали НЛО) освоил на Земле профессию дантиста.

Запись на кассете стала достоянием последней экспедиции уфолога в зону аномальной активности. По его словам, эта зона располагалась где-то в днепровской области, неподалеку от одного заброшенного села, вернее хутора. Днепровская аномалия, так сказать.

– Там постоянно что-то происходит! В целях безопасности я езжу туда не один, а с друзьями. Они тоже уфологи-рассказывал Виктор К., пока оператор готовил камеру и микрофон к съемке.

– Был случай, года три назад-продолжал уфолог-так вообще страшно до сих пор вспоминать! -, но тут же бесстрашно вспомнил: сидим, значит, на одной лесной полянке, костер разожгли... Темно уже было. Вдруг мой товарищ громко так вскрикивает и начинает пальцем в сторону тыкать. Ну мы все повернули головы и обомлели! На нас, прямо по воздуху плыло нечто, какое-то существо, метра три в длину! – он попытался развести руками, но разумеется, рук не хватало, – все мы, конечно, обомлели! Ну как вам объяснить? – (Уфолог сглотнул слюну) – Представьте себе зависшее в воздухе бревно, которое светится таким, мутновато-зеленым светом. Ну это издали оно бревном казалось...

– И что? Что это было? – спросил я, пытливо всматриваясь в уфолога, как бы мысленно измеряя тому температуру.

– Как это что? -удивился Виктор К. – это был энергетический сфероид, правда тогда я об этом не знал. Никогда прежде такого не видел!

– И откуда этот сфероид взялся? -поневоле заражаясь его энтузиазмом, спросил я.

– Ну вряд ли из космоса... -уфолог нахмурил лоб и терпеливо, как мальцу, стал объяснять:

– Сфероиды ведь разных цветов и размеров бывают. Их целая классификация. Этот был просто гигантом! Я ж говорю, аномальная зона, там много таких сюрпризов. Кроме НЛО, за которым мы наблюдаем, зона открывает портал в параллельный мир. Вот этот сфероид был оттуда, из другого измерения!

– И что дальше, вы с ним контактировали? -видимо мой вопрос показался ему глупым.

– Подобного рода контакты смертельно опасны! -снижая голос, проговорил уфолог- мы той ночью чудом остались живы! Вы точно хотите знать, что было дальше?

– Конечно! – я кивнул.

Виктор К. прикрыл глаза, судорожно сглотнул и продолжил:

– Пока оно подплывало к нам, мы сидели как истуканы. Первым желанием было броситься враспынную, но что-то, как будто, пригвоздило нас к месту! Сфероид приблизился и застыл примерно в двух метрах от нас. Вблизи он был похож на огромную гусеницу. Я четко

различал вдоль его тела короткие щупальца, которые искрились и переливались таким... золотистым светом. Очень красиво. Все сидели, как замороженные.

– Ничего себе! – я нажал кнопку микрофона.

– А потом... один наш товарищ из Харькова не выдержал, приподнялся с места и протянул к этой гусенице руку! Мы потом ему все говорили «идиот, ты что, поздороваться с ней хотел»? Ага... После этого все и случилось.-уфолог выдержал интригующую паузу и воскликнул: Вспышка! Вспышка ярко белого света! Все вокруг исчезло, я как будто очутился внутри светящегося кокона! А дальше... вы не поверите! Метрах в двадцати от поляны рос большой дуб. Очень старый, очень большой...

– И что? -вкрадчиво произнес я.

– Ну что, что-повторил уфолог- как можно здравым умом объяснить то, что все мы очнулись утром на ветке того дуба? Вы только представьте себе картину – семеро здоровых мужчин на ветке дерева! Никто ничего не помнит. Только смотрим вокруг, друг на друга и молчим! Как бы спрашиваем: мужики, что это было, где мы?

– Жесть! -представив эту картину, мы с оператором синхронно присвистнули.

– Причем из одежды на каждом, остались почти лохмотья. Ткань оплавилась. Сидим и думаем, как в таком виде по домам ехать? И главное, никаких ожогов на теле, только у товарища из Харькова волдыри на пальцах.

– Типа, привет от гусеницы?

– Ага-улыбнулся уфолог- мне пришлось из Запорожья товарища с машиной вызывать. Просить, чтобы одежду какую-нибудь привез... вот так.

– И что, часто потом эти сфероиды встречались? -поинтересовался я.

– Ну пару раз было... – отвечал Виктор К.-но мы то теперь грамотные, наученные, так сказать, опытом. Старались только издалека наблюдать...

– Ну хорошо, а что на этой кассете? – и я протянул к нему микрофон.

– На кассете зафиксирована посадка НЛО в аномальной зоне- буднично, чуть не зевнув, проговорил уфолог, словно речь шла о прибытии рейсового автобуса.

Записав интервью и проводив ученого за вертушку, я пошел просматривать кассету.

– Там приблизительно с двадцатой минуты-напоследок предупредил уфолог- вообще, сами все увидите. Съемка конечно любительская, но объект хорошо виден. Когда, кстати, сюжет можно посмотреть?

– Может сегодня, а может завтра-я неопределенно пожал плечами.

Не скрою, когда сидел в просмотровой перед черным экраном – мое сердце учащенно билось.

Кассета была выставлена на начало. Снимали поздним вечером. Первые кадры напомнили то ли фильм «Ведьма из Блэр», то ли последний день грушинского фестиваля. На короточках, у костра сидел бородатый мужчина в свитере, рядом с ним, обронив на мужское плечо голову, сидела женщина в светлой кофточке. Кто-то за кадром, настраивая гитару, мурлыкал под нос незнакомый мотив.

Я немного перемотал вперед.

На экране появилось с десятков придвинутых к друг другу стаканов и хриплый, слегка хмельной голосец (видимо, держателя камеры) нежно произнес:

– Ну что, Петро, разливай по маленькой. Потом к реке сходим.

Отчетливо было слышно, как Петро выполняет просьбу. Лица Пети я не различил. только широкую спину. Затем к стаканам потянулись руки. кто-то сказал тост, зазвенело стекло...

Я перемотал еще.

«Глаза, словно неба осеннего свод» – под перелив гитарных струн пел чей-то голос.

На девятнадцатой с половиной минуте, человек с камерой куда-то упорно шел. Судя по хрусту веток и краткой фразе «ай, сука такая», он пробирался сквозь лесную чащу.

– Осторожно, смотри там не грохнись... Где-то ж тропинка есть... -слышалось за его спиной. Очевидно, отряд уфологов спускался к реке. Вскоре, я даже различил отдаленное кваканье лягушек.

– Тихо, все замерли-вдруг выкрикнул тот, что нес камеру и добавил потише: смотрите! Впереди что-то есть...

И тут я увидел огни! Вернее, несколько ярких, светивших сквозь лесные дебри огоньков. Они мигали, но смещались почему то (как должно быть при посадке НЛО) не сверху вниз, а справа налево. Очень медленно. Огонькам сопутствовал далекий, неразборчивый шум, отнюдь не похожий на рокот двигателей. Камера то и дело дергалась, я улавливал хриплое покашливание, какие то невнятные реплики. Между тем, шум сопровождающий огоньки нарастал до тех пор, пока я, напрягая до невозможного слух, не различил звуки музыки, а потом и слова песни:

«на пароходе музыка играет»...

В эфир тот сюжет так и не вышел...

Феликс

Старик Феликс к любому делу подходил серьезно,
вот и на этот раз подготовился основательно,
с вечера, не спеша и скрупулезно,
пропитал бензином штаны, рубашку, ватник.

Он делал это посвистывая,
ни о чем не жалея,
на его плечах и шее тонкой,
как шея цапли,
покачивалась голова
советского инженера,
он даже смерть мастерил себе
рационально.

Старик Феликс, уставший от долгой,
жизни во мраке,
от нищенской пенсии,
к могиле сопровождающей,
Он все рассчитал для того,
чтобы вспыхнуть, как факел!
и спичкой сразу сгореть,
не травмируя окружающих.

Кто-то слева шепнул, что поздно бороться...
Справа робко шепнули: не стоит спешить...
Феликс решил все сделать с восходом солнца
обычно, в такое время на площади ни души.

Он встал в четыре часа
не завтракал, выпил чая
и стал одеваться-
руками степен,
взглядом мягок,
потом ступил за порог,
головой качая
оставляя после себя
идеальный порядок.

До площади было примерно
два часа ходу,
(помня: поспеть к восходу,
ни раньше, ни позже!)
Феликс, дабы поменьше
встречаться с народом
сел и с первого раза завел
«запорожец».

Будто в последний свой выезд
тот был неистов!
Ревом пугая птиц и редких прохожих,
(на правом сиденьи покачивалась канистра)
как сказочный Горбунок, несся вперед «Запорожец»!

Лучше до пепла сгореть,
чем лежать на погосте!
черви, земля и мрак,
да будет им пусто!
В день своей смерти
старик не испытывал злости,
(В нем, впрочем, давно
атрофировалось это чувство).

И хотя жизнь
окружала блоками
безразличия,
раздражения к старости
и забвения,
Феликс ничего не требовал,
не рисовал плаката,
объяснившего бы причину
самосожжения.

Последние в жизни деньги
уплачены за квартиру,
Принципом Феликса было
не оставлять долгов,
Он посылал привет уходящему миру,
С позиции атеизма —
бельма на глазу богов.

На площадь вышел спокойно, легко и быстро,
выкурил сигарету, горькую ватру без фильтра,
и с головы до ног окатил себя из канистры,
Выдохнул. Вдохнул. Выдохнул.

Площадь была пуста,
только стая птичья,
Видеть могла с высоты,
как рука легка
Чиркает о коробок
и подносит к одежде спичку
и как старика поглощает
огненная река.

Как только черный огарок застыл без движения,

над телом витали, неся его душу на волю
не демоны —
ангелы самосожжения!
неутомимые часовые на границах боли.

«Лучше бы меня назвали Фениксом,
или Финистом Ясным Соколом, светлоликим!»
это была последняя мысль старика Феликса,
подлетающая к созвездию Волосы Вероники.

Сила Улисса

Всю волшебную силу творчества Джойса Василий Мазур ощутил поздним вечером, в городском парке, когда миновал «мостик влюбленных» (с прикрепленными к железным перилам замочками) и ступил на тускло освещенную фонарем тропинку. С увесистым фолиантом «Улисса» Василий держал путь к девушке, у которой взял почитать книгу и теперь, значит, ее возвращал. Через парк Вася пошел, чтобы срезать расстояние, иначе, если идти в обход, путь был раза в два длиннее. «Улисс» пролежал в его квартире примерно полгода (последние два месяца с закладкой на одной и той же странице). Поначалу, Мазур с энтузиазмом, словно альпинист на Эверест, взбирался на глыбу мировой литературы. Держать в руках книгу, вес которой составлял не меньше, а то и больше килограмма, было приятно. Вместе с Леопольдом Блумом он выходил из дома с мыслью о покупке бараньих почек, посещал один из дублинских баров, закрывался в сортире и попадал на похороны. Но постепенно, от страницы к странице, в голову Мазура закрадывалась предательская мысль, что пройти с Блумом весь маршрут ему не суждено. Глаза слезились, взгляд увязал в плотности текста, много раз Вася клевал носом и засыпал, вследствие чего «Улисс» выпадал из рук, обрушиваясь всей тяжестью на васино лицо. Мазур просыпался, хлопал глазами и со злостью смотрел на портрет автора на обложке. Джойс, в свою очередь, смотрел на Васю с задумчивой иронией. Нет, конечно, Мазур любил читать, но том «Улисса» стал для него неподъемной тяжестью. Ту, у которой книга занимала почетное место в домашней библиотеке, звали Марией, впрочем Вася (видимо желая блеснуть оригинальностью) называл ее разными именами: от просто Мари, Мэри до изысканно-утонченного Мэруэрт. Мария была весьма хороша собой, заканчивала четвертый курс филфака и носила очки, придававшие ее лицу ангельской строгости. Она хотела писать по Джойсу диссертацию. Когда Вася озвучил просьбу (а можно взять почитать?), то Мэруэрт, как ему казалось, посмотрела на Васю с уважением. Не то, чтобы он хотел выпендриться, шегольнуть интеллектом (хотя не без этого) – просто Василию очень нравилась Мария и он подумывал убить сразу двух зайцев – приобщиться к великому и прекрасному, а заодно и сократить путь к девичьему сердцу. Увы, «океан Улисса он так и не пересек.

Перед визитом к Машеньке Мазур заботливо отер с книги пыль, из-за чего белая тряпка приобрела пятьдесят оттенков серого.

Итак, держа в правой руке «кирпич Улисса» (корешком к небу, толщей страниц к земле) Вася шагал через темный вечерний парк, усиленно прокручивая в голове краткое содержание романа, прочитанное им в Википедии. Что, что, а выглядеть в глазах Мэруэрт профаном и тупицей, Мазуру не хотелось. Тем более, свидетелем его маленького вранья (у-ух, наконец-то дочитал!) успел стать телефон. Витая в далеких мыслях, от которых веяло туманами и промозглым дублинским ветром, он не сразу заметил, как из-за ели, в его сторону, скользнули три долговязые тени. Вслед за ними, буквально из тьмы возникли и хозяева теней, преградившие Мазуру путь. В едва разбавленном электричеством сумраке, лица были не отчетливы, но Вася пребывал в твердой уверенности, что и при дневном свете, приятными их не назвать. Вечерние тени обманчивы – самый высокий из этого гоп-трио оказался Василию по подбородок (с ростом плюс-минус метр восемьдесят), остальные гораздо ниже. Что у них было общим, так это прическа и будь Мазур негром- решил бы, что по его душу пришли скинхеды.

– Братан, закурить не будет? – подал голос тот, что стоял посередине. Согласно классике жанра, голос был хриплым и низким.

Как назло, последнюю сигарету Василий выкурил перед тем, как войти в парк. Обычно в подобных просьбах он не отказывал, но тут пришлось.

– Закончились, ребята – с досадой ответил Мазур и для убедительности похлопал ладонями по карманам, и даже виновато улыбнулся.

– Хуево... -заклучил средний и указав пальцем на книгу издал мерзкий хохоток: ты что, чувак, из библиотеки вышел? Что за книга? Можно глянуть?.

Чувствуя, как в теле растет напряжение, Вася поднес «Улисса» к скуластому лицу гопника.

– У-ли-сс... – по слогам прочитал тот и тут же вернулся к своим вопросам и предложениям.

– Твоя? А чья? Интересная? Ты ее прочел? Давай ты нам ее подаришь, а?

Пока вожак говорил, его напарники хмыкали, издавали одобряющие смешки. Очевидно, все шло по знакомому сценарию. В это время в парке никто не гулял, так что наглая троица почувствовала себя вполне уверенно.

– В натуре, чувак, если сигарет нет, дай тогда книгу почитать! – вступил в разговор тот, что справа. Он был худ и заметно сутулился.

– И телефон давай, позвонить нада! – стоявший слева требовательно протянул руку.

В мрачных рембрандтовских тонах вечернего парка трое гопников казались единым трехголовым существом. К примеру, Змеем Горынычем. Замерев, Мазур почувствовал, как потеют обе ладонь и по коже ползут мурашки.

– Ты чо, братан, сука завтыкал шо ли? – и тот, что посередине сделал шаг вперед. Синхронно его движению правая рука гопника округлилась кулаком, а пальцы Мазура крепче вцепились в «Улисса».

«Nunc, aut nunquam!» – промелькнуло у Васи в голове. Это была одна из десятка латинских фраз, приклеенных к его памяти пару лет назад, когда он «подкатывал» к своенравной, чересчур образованной девице. Кто знает, может эту фразу подсказал Василию сам Улисс, но некая волшебная сила взметнула руку с книгой к лицу вожака. Удар получился смачным и метким, острым книжным углом прямо под вражеские ноздри. Что-то хрустнуло и брызнуло одновременно.

– Ай бя, сука, нос сломал! – закрыв лицо ладонями, сквозь которые хлестало темное, гопник согнулся наполовину и попятился назад. Эту картину, так сказать по кадрам, Вася вспомнил потом, а тогда, в унисон руке с книгой, правая нога зарядила в цель слева. Очень мощно, аккуратно между ног второму. Тот взвыл и вдвое укоротив свою тень, свалился на колени. Последний из трех (видимо самый хилый) в бой не ринулся, успев отскочить метров на пять.

– Ты чо, сука, ты чо? – срываясь на визгливый фальцет, запричитал гопник.

Взгляд его метался между Мазуром и товарищами, видимо в надежде, что те еще поднимутся.

– Чо, сука, Улисса хочешь почитать? Ну на, держи, хуепутало! – ведомый адреналиновым штормом Вася пошел вперед, готовый раздавить третьего, как паролодку.

– Мы тебя, сука, запомнили! Пиздец тебе! – с этим жизнеутверждающим девизом, однако не выдерживая васиново маневра, гопник унесся в темноту так быстро, что казалось, он готовится к ближайшей Олимпиаде.

– Три долбоеба, б****ь! -оглядев поле искрометной битвы, громко сказал Вася и окрыленный своим триумфом пошел дальше.

По дороге к Мэруэрт он подумал, как жаль, что рядом не было ее. Что она не видела эту драку собственными глазами. Рассказывать же про вечерний подвиг он считал ребячеством и бахвальством. Том «Улисса» был также сжат пальцами правой руки (страницами к земле, корешком к небу). И только возносясь в лифте на девятый этаж, к квартире, где жила Мэруэрт, Василий увидел, что «Улисс» изрядно запачкан кровью. Досталось и фотопортрету Джойса, чье интеллигентное, в круглых очках, лицо – было сплошь в красных точках.

«Вот сука» -с досадой подумал Вася и в отсутствие влажных салфеток принялся ладонью стирать с обложки красное.

Но следы все-таки остались. На всей ширине страниц застыла большая бурая клякса, похожая на полуостров Крым.

«Вот черт» -вздыхнул Мазур и провел по кляксе локтем, в надежде что пятно побледнеет.

За время, пока «Улисс» пылился в его квартире, отношения с Мэруэрт прошли серьезный путь, от ледников северного полюса к испепеляющему зною экватора. Слава богу, они там пока и дрейфуют, так что о их неминуемом сползании к Антарктиде, еще не думалось.

– Привет, солнышко – переступая порог улыбнулся Мазур и чмокнул Марию сначала в губы, потом в щеку.

– Не прошло и полгода! – взглянув на «Улисса», весело воскликнула Маша. В ее зеленых глазах уже разгорались томные искры.

– Ну как, малыш, домучал сие творение? – игриво спросила она.

– Не сказать, моя милая Мэруэрт, что было легко, но таки да, домучал...

– И что скажешь, понравилось? – Мэруэрт протянула руку к вашиному лбу, поправила ему челку.

– Ну что сказать? -задумчиво проронил Вася-очень крепкая книга, я бы даже сказал жесткая! Автор молоток! Вот только... – протягивая Мэруэрт «Улисса» Вася замешкался. На его лбу обозначились три морщины.

– Что только, Василиск? – с нежностью спросила Мэри.

– Короче, так получилось... – замялся Мазур и после трехсекундного молчания признался, вернее, честно соврал: я ее того... малость борщом заляпал... прости...

Про лошадей и людей

Природной красоты и грации венец!
Извели вы голод, жажду, вьюги!
Эпох кровавых... замирания сердец,
вы зрели, только меч пронзал кольчуги!

Пред вашими очами много раз,
война и смерть затеивали пляску!
и гибель всадников таилась скорбью в вас,
по всей Земле, от Рима до Аляски,
вы колесили в снег, в мороз жестокий,
везя на спинах, тучных ездоков
неслись в галоп! Без страха и упрека!
на гнев хлыста двуногих мудаков!

Прощали все: предательство, нагайки,
тычки до крови самых острых шпор,
и в эпицентре битвы-негодяйки,
летели копья в вас и бил топор!
Вас пушечные ядра рвали в клочья!
пронзали пули и свирепые штыки!
Вы кровью праведной пропитывали почву,
и становясь, как ангелы легки,
вздыхались в небо ваши чудо-души
и там, где выше журавлиных стай,
всем табуном небесным, непослушным!
Влетали вы в свой лошадиный рай!

И сколько светит – солнце помнить будет,
(другие звезды тоже не забыли)
как много горя принесли вам люди,
самодовольные, чванливые, тупые!

И про такое вспомнить не забудьте!
(вмещают все истории весы)
как был спасен оголодавший путник,
двумя кусками конской колбасы!
Как конь из битвы вынес офицера,
как трупы лошадей бросали в ров,
как убивали старца – Холстомера,
как надрезали круп и пили кровь...

Простите нас! Мы злые – вы святые!
простите нас за дурь прошедших дней!
за то, что став безумцами слепыми,
мы всякий раз вас пачкали в войне!
Но этому теперь конец положен!

(не войнам, нет! такой уж вирус в нас)
Пусть отдохнут от нашей злости лошади!
Вперед ракета, мина и фугас!
Мы поумнели. Есть теперь машины!
крепка броня, как неживая плоть
Мы будем смерти измерять аршином!
Взрывать и жечь, и резать и колоть!
двуногие опять стреляют в небо!
потом скорбят о гибели детей...
(когда умрут все танки и ракеты,
мы пересядем вновь на лошадей).

Нohmo sovetikus

Году, кажется, в 87-ом —точно не помню-угораздило меня попасть в секцию народных танцев, в ДК «Титан». Видимо, свою роль сыграло коллективное бессознательное-вместе со мной на танцы записалось семеро кентов-одноклассников. Если проводить параллель с легендарным голливудским вестерном, то в нашей «великолепной семерке» мне довелось быть героем Юл Бриннера. Не то, чтобы это бравада, просто я был всех на год старше (в начальных классах это весомое преимущество)

Выдали нам, значит алые, как паруса, шаровары, вышиванки, построили в ряд на сцене, ввели в курс дела. В ансамбле было 7+7 мальчиков и девочек. Первое время мы водили на занятиях седативные хороводы, учили всякие «па» и я было заскучал, но однажды рассмотрев за ушком девочки звездочку-родинку – безнадежно в нее влюбился, то есть сначала в родинку, потом в девочку. Когда мне ставили ее в пару, то от волнения потели ладони, дергался кадык и глаза старательно избегали ее лучистого взгляда. Впрочем, это история вовсе не о любви, а о жлобстве.

Итак, к третьему уроку хороводы стали быстрее, потом они побежали, похоже так, хореограф оценивала наши вестибулярные возможности. Но головы не кружились, никто не блевал, и от хороводов мы плавно перешли к изучению народного танца «ползунец». Того самого, когда скачешь по сцене вприсядку, растопыриваешь руки и выкидываешь коленца. Похоже так, хореограф изучала силу наших «дыхалок». А «дыхалки» у запорожских мальчиков, как вы понимаете, сродни ахиллесовой пяте. Запорожсталь дымила во все трубы, в унисон промышленному гиганту старались и остальные. Тухлыми яйцами стрелял в запорожское небо легендарный Коксохим! Впрочем, после надрывных «па» ползунца наши лица хоть и бледнели, а губы отдавали легкой синевой – сознание никем не терялось. Мы были пионерами, а потому не могли дать волю слабине! К тому же все раскусили эволюционный план хореографа – с помощью «ползунца» натрудить нам спины, привести мышцы четырнадцати ног в боевой тонус и приступить к покорению «Эвереста» – украинского гопака!

Хороший слух чувство ритма (и такта!), врожденная координация —все это не мешало мне стать хорошим танцором, но увы, а может и к счастью, я им не стал. По причине... Впрочем, не будем забегать вперед-история то простая, без особых выкрутасов.

Хореограф и баянист составляли хороший дуэт —спустя месяц танцевальной муштры наша «отара» хотя бы отдаленно, но стала напоминать ансамбль. Вот тогда хударук и хореограф в одном лице, озвучила неприятную новость: через неделю к нам в гости придут «фашис»... делегаты из ФРГ, и мы, как народ-победитель не должны ударить в грязь лицом! Зачем колбасникам Запорожье —никто не знал, и когда кто-то из старших озвучил версию насчет культурного обмена – я широко зевнул, вслед за мной стали зевать друзья, а вслед за друзьями зевнула и девочка с родинкой.

Между тем, Перестройка подходила к своему фарватеру, за которым начинался период полураспада великой советской империи. Проектор реформ заметно потускнел и светил в четверть накала, даже не светил, а робко мерцал. Железный занавес потихоньку ржавел, в нем возникали прорехи, из которых веяло бодрящим амбре вечно «гниющего» Запада. Потом я узнал, что цель визита германцев была куда глубже и символичней, чем простой культурный обмен. Немцы, в прямом смысле, приехали посчитать своих мертвецов, изъять их потревоженные останки из чернозема и вернуть под надежную и рассыпчатую, как сухое печенье, родную почву. Короче, провести некро-эмиграцию, если можно так выразиться. В тот год в районе улицы Седова, примерно в квартале от городской психбольницы, начали строить жилой дом. И вот незадача, экскаваторами разрыли немецкое кладбище времен войны. Котлован получился куда зловещей, чем у Платонова. Глубиной не менее десяти метров, размером в половину

футбольного поля, он был густо усеян серо-желтыми костями, тряпочными обрывками полустлевших мундиров и конечно, фашистскими касками! Попадались и гильзы, и даже именные пистолеты, кортики, складные карманные ножики, а кому то повезло наткнуться на ржавый шмайсер. Столь богатый заgrabный арсенал подтверждал, что немцы, как неоязычники, готовились к суровым будням Вальгаллы, к новым смертям и к новым воскрешениям.

Я хорошо помню, как с друзьями из двора, ходил смотреть на котлован. В первые дни городские власти как будто не знали, что со всем этим делать и видимо ждали «ЦУ» из Центра. А пока доступ к захоронению был открыт, вплоть до того, что в отсутствие строителей в котловане орудовали любопытные ребята с лопатами. Первое, на что я обратил внимание, так это на инсталляцию из оскаленных черепов, выставленных в ряд у самого края ямы. Копачи-аматоры весело загалдели, когда один из шутников присел на корточки и угостил крайний череп справа сигаретой. Скорби к павшим врагам никто не испытывал.

Судя по всему кладбище было куда шире фундаментной ямы, из ее вертикальных срезов торчали кости мертвых. На следующий день власти очнулись и окружили «театр смерти» надежным забором. Все это происходило за пару месяцев до моего вступления в ансамбль народных танцев. Так что вернемся в ДК «Титан», где хореограф уже составила четкий план нашего выступления. Это была крепкая, чуть повыше среднего роста женщина в круглых очках, как бы усиливающих строгость ее взгляда (черты лица не помню, но память услужливо преподносит образ мадемуазель Куку из «Безымянной звезды»). Итак, «интуристов» было решено ошарашить ползунцом, «вскружить» залихватской кадрилию, а напоследок «прибить» воинственным и резвым гопаком.

– Только давайте договоримся, ребята... Так, Охрименко, на меня смотрим, а не на затылок Светы! Значит, договоримся так – все прыснули, я видимо покраснел, а хореограф, выдержав паузу и заглушив смешки колючим взглядом своих льдистых глаз, продолжила: когда гости приедут, мы не галдим, не тарачимся на них глазами, а ведем себя, как хорошие, воспитанные люди. Как настоящие советские пионеры! Вы хорошо меня поняли? —опять пауза и гробовое молчание, потом хлопок в ладоши: Хорошо, теперь все на сцену...

С гордостью скажу, что дебют мы не провалили. Волнение и ответственность перед Родиной придали нам сил, мы не танцевали, мы летали по сцене, будто на крыльях. От танца к танцу аплодисменты почтенных гостей звучали все неистовей. Короче, немцам понравилось. Делегация состояла из пары десятков человек, в основном пожилого возраста и преимущественно седовласых. Помню, что обратил внимание на высокого осанистого старика в очках и подумал: «уж не бывший ли ты гестаповец, дядя?»

Триумфально закончив гопак, мы выстроились на сцене в ряд, изобраили благодарный поклон, после чего прямо к нашим ногам были возложены дары. Не цветы и прочая дребедень, а сладости, неведомые нам сладости из далекой Европы! При виде шоколадных плиток, батончиков в ярких и блестящих обертках, заветных жевательных резинок и другого кондитерского добра, у меня подкосились ноги и я едва сдержал порыв обхватить все это руками и стремглав броситься за кулисы. У стоявшего рядом одноклассника Миши Котлова случилось нечто похожее, он даже сделал шаг вперед, но застыл, придерванный мной за рукав. Пионерская сила воли позволяла глушить недостойные звания советского человека порывы! Что ж, мы выглядели достойно, нетерпеливо поглядывая на неторопливых немцев, ожидая когда те покинут зал, чтобы уже не таясь броситься наперегонки за трофеями. В этом смысле наш танцевальный отряд, особенно мальчишки, стал одной, нервной пружиной. Но нас обломала хореограф, ибо дары с двух огромных подносов были сгружены в пакеты и отданы на хранение баянисту. Когда делегация ушла, мы все сгрудились за кулисами, вокруг «мадемуазель Куку» и нашего аккомпаниатора, в глазах которого четко читалась угроза: «пацаны, будете баловать, йобну по голове баяном».

– Вы просто молодцы, ребята. Хорошо танцевали и вели себя достойно — чеканным слогом произнесла хореограф- и спасибо, что выстояли, не бросились разгребать конфеты.

«Как делить добро будем»? – из самого нутра выплывала хриплая, как голос зэка, мысль.

Заскрипев сердцами, мы дружно согласились, что первыми следует оконфетить девочек. Каждой из них хореограф вручила по шоколадному батончику. Потом настал черед мальчиков. Между тем во мне нарастала тревога, и я лихорадочно оглядывался по сторонам. «Странно, было ж два пакета, а где же второй? Неужели кто-то заныкал?»

В итоге хореограф протянула мне какую-то коричневую палочку с желтой надписью. Так, я впервые увидел ириски «Meller». Во мне закипало возмущение, во рту пересохло от жажды справедливости и я решил подать голос протеста.

– Такая-то, такая —то (отчества хореографа не помню), а было ж два пакета... И жвачки были, и баночка такая стеклянная, с разноцветными шариками...

«Мадемуазель Куку» запнулась от вспыхнувшего за стеклянными линзами возмущения, но сдержала себя и сменив гнев на терпение, посмотрела на меня, словно на дурачка:

– Охрименко, ты что один такой умный? Конфеты не тебе, это для всех ребят. Понимаешь для всех!

– Так тут же все ребята, (такая-то, такая-то) -парировал я.

– А что у меня одна ваша группа танцами занимается? Есть ребята, которые учатся во вторую смену. Вообще, не морочь мне голову!

– Так мы же, а не они гопак танцевали. Немцы нам хлопали, это наши конфеты, (такая-то, такая-то) – упрямо бубнил я.

Но хореограф сделала вид, что ей нужно в кабинет директору, объявила дату следующего занятия и унеслась. За ней, придерживая свой музыкальный инструмент, торопливо заковылял баянист.

По дороге домой разболелась голова, меня трусило и пошатывало. К вечеру поднялась температуру, к утру она спала, но в школу я не пошел, так как мама обнаружила за моими ушами странное покраснение. Вызвали моего педиатра (из-за хронического бронхита и склонности к туберкулезу я стоял на учете) – женщину лет пятидесяти по фамилии Шапиро. Она была очень хорошим врачом, но в то утро, выслушав маму, немножко всплила:

– Ну что вы меня вызываете по разным пустякам? Знаете сколько мне еще адресов обходить? Ваш ребенок абсолютно здоров!

– Да? -мама недоверчиво посмотрела на докторшу – а что это такое за ушами? И главное за двумя сразу.

– Не морочьте мне голову – выдохнула доктор Шапиро после того как бегло осмотрела мои уши.

День я проходил бодрячком, дочитав «Всадника без головы», довольный тем, что прогулял школу. А вечером опять поднялась температура, лоб охватило жаром и я поплыл.

– Мамочки, а что ж делать. Юра, что ты там делаешь, тут сын умирает (папа вроде ужинал на кухне), у него 39, 5 —с испугом глядя на градусник воскликнула мама.

Если б еще запаниковал и папа, я б точно умер, но папа не долго думая, закинул мне в рот горсть таблеток и протянул стакан воды. Через пару часов температура сползла до 37, 5 но ниже уже не падала. Пока я забывался сном, Мама до глубокой ночи листала какие – то медицинские книги (о, если бы тогда был Гугл!). К утру она торжественно объявила, что диагноз найден и судя по описанию на моем теле вскоре «расцветет» корь, ну или краснуха.

– А ну-как задержи майку! – приказала мама и как в воду глядела. На груди, ближе к шее успело проклюнуться три ярко красных прыщика. Увидев такие улики, мама бросилась снова звонить Шапиро.

На этот раз та вела себя по тише и раздражением не искрилась.

– Да, несомненно, это корь! – осмотрев меня заключила доктор и стала выяснять с кем я контактировал в школе. Ничего нет страшнее для детского врача, когда на вверенном ему участке вспыхивает эпидемия.

Лечение продлилось больше месяца. За это время я прочитал Графа Монте-Кристо, Анну Каренину и три тома Луи Буссенара. Вернувшись в школу я обнаружил, что с того дня, как честных советских пионеров «побрили» на конфеты все пошло наперекосяк. Никто уже не танцевал. Один из «великолепной семерки» заключил пари, что спрыгнет с третьего этажа в палисадник. И хотя там была подстелена «перина» из сухих листьев, чувак сломал ногу. Но самое смешное, что пять других выглядели, словно отмотавшие срок зэки. Все были обриты наголо. Оказалось, что после танцев они дружно записались в секцию фехтования и за неделю тренировок в фехтовальных масках подхватили педикулез. Стоял ноябрь месяц, приближались зимние холода. О судьбе ансамбля народных танцев мне ничего неизвестно, и девочку с родинкой-звездочкой за розовым ушком, я никогда больше не увидел.

Супрематическая поэма (1)

Я хочу увидеть из окна поезда
болотистую равнину,
камышового кота,
грызущего старую кость,
нищего старичка,
опирающегося на трость
пустой дом на отшибе
покинутый даже тенями
глиняных людей
с терпеливыми коленями
Капища умерших богов
стаю ворон, черной спиралью
ввинченную в серое зимнее небо
одинокого крестьянина,
несущего мешок за спиной
Я смотрю и пытаюсь угадать,
что в мешке,
кроме утаившегося шила
Мертвая нутрия или шиншилла,
охапка сена для отелившейся коровы
или собранные на счастье подковы...

...Между тем поезд прибавил ход
стирая путника ластиком своего движения
день умирал, виновниками его поражения
на небе выступили дымчатые сумерки
но и они, спустя считанные минуты умерли
окно погрузилось в чернила тьмы
тьма-мать, тьма-мать, тьма-мать
слышалось в звуках, издаваемых поездом,
какой символ! -чиркнул я в записной книжке
уверен, что два года назад
услышав подобные звуки
и вперив в чернильное окно глаза
Казимир Малевич выдумал Черный Квадрат
Супрематический гений не думал
И не гадал еще
Что помимо тех, которые на шедевр плюются
Найдется некто, узревший в «ЧК» влагалище
Из которого грянет девочка
По имени Революция
Чую, близок итог моих странствий
Задача моя, как никогда проста
Я рассею черный квадрат в пространстве
Вычленив его из рамок тесного полотна
Оплодотворение вскоре состоится

Сквозь мглу и ветер несется поезд
К яйцеклетке северной столицы
Как железный сперматозоид!

Красота идеи мне нравится
Она из породы нетленного
Кстати, я забыл вам представиться
Моя фамилия Ленин.

2

В черном подвале сидит очень бледный человек.
(Сноска к эпохе: тридцатые годы, XX-ый век).
Жена оставлена дома.
Дети растыканы по друзьям и знакомым.
Ивановы приютили сына.
Петровы- двух дочек.
В жизни стало все больше точек.
Вечер... Усталая... Дрожь... Век...
У человека сильно слезятся глаза,
Свет лампы, как злобный карлик
Возомнивший себя светом солнца,
Управляем невидимой взгляду рукой
Перекрашивает радужных оболочек оконца
Пропитывает бледное лицо человека
Ужасом и Бедой
Заклоченными в выпрыгивающих из света
Кулаках.
Ногах, хромовых сапогах...
...И тогда бледное окрашивается красным,
В глазах чернеет,
Выбор цветов становится маловат
(вот так и происходит супрематический переход,
Из черного в красный квадрат.)
Очень бледный человек
не видит свою жену
Сына Павла и дочек, Дашу и Асю
Пытается разглядеть портрет на стене,
Но тот уже превратился в красный квадрат.
Человек с красным лицом
Отводит от портрета взгляд
Но ничего не происходит.
Он взглядом водит.
Кабинет. Окно. Человек в хромовых сапогах
Все – сплошной красный квадрат
Главная цель которого, превратить бедного человека
В загнанное животное
Но никто, как животное,
Чует источаемый страх
оставшегося в черном квадрате палача,
Которому еще предстоит

Переход в красный квадрат.
Страх палача прямо пропорционален
Силе ударов черного сапога
Когда сапог взбешен
Ребра и печень крУшит
Животное из красного квадрата чувствует:
Черный Страх Черного Сапога
превращается в Красный Ужас
Бледный человек, перешедший
из черного, в красное
Издает сиплые хрипы и скулящий вой
Точь в точь, как животное,
приведенное на убой
На обвинение в сотрудничестве с разведкой
Империалистической Антарктиды
согласно кивающее головой
Сплевывает черную кровь из разбитой печени
черный сапог успокоился и не бьет
срок его пребывания в черном квадрате
на месяц продлен
(Для людей и животных из красного – это вечность)
Черный Сапог приказывает увести животное
Животное по человечески радуется, словно
Возвращается к себе домой
По дороге в камеру красный квадрат
Слегка рассеивается
Мутно-желтым светом
В камере, животное закрывает глаза
И укрываясь, как одеялом, черной дырой
Снова становится человеком.
Отворачивается к стене.
(бытие агентов империалистической Антарктиды
Всегда переходит в —не)
Он это знает
И перед сном животное подает голос
На ухо человеку с бледным лицом шепчет:
«Никогда не говори никогда
Ничего не говори ничего
Ни кому ни говори ни кому
Ни про что не говори ни про что
И тебе станет легче...»
Человек засыпает.

Не по кентовски

Василий Смалько был дуже охоч до женского пола. Несмотря на действующую жену и пятилетнего ребенка, а также скромные бытовые условия (комнатушка в общежитии барачного типа), Вася не упускал ни единого удобного случая повернуть налево. Без всякого страха разоблачения (хотя супруга отличалась пещерной ревностью) Василий сделал своим «прайдом» территорию общежития, причем абсолютно не обращая внимания на -замужем объект вожделения, или нет.

– А если жена попалит? – спрашивали на работе товарищи- бабы ж могут проболтаться, слухи пойдут.

На это Вася широко усмехался, одергивал пыльную спецовку и демонстрировал всем пудовый кулак.

– Як попалять, так получают ****ы, вони мэнэ знают. Семья ж то святое-отвечал он.

Конечно, определенную конспирацию он соблюдал. Походы совпадали с отъездами жены в райцентр к родителям. Благо, ездила она часто и как правило, брала с собой сына, светловолосого мальчика с ангельскими глазами.

Как раз в один из таких дней Смалько и решил подкатить к соседке, что жила через пять комнат от него. Она была замужней, ее супруг, мрачный сутулый типочек с неприятным взглядом, работал в местном отделении милиции. Все, получилось спонтанно, перед этим делом Вася накатила пару-тройку граненных стопочек и вышел в коридор покурить. А там, как говорится, на ловца и зверь прибежал. Водка была выпита вместе с кентом, который пришел в гости. Пока Вася курил, кент сидел в комнате и смотрел телевизор. Сигарета была уничтожена до половины, когда в коридоре раздался гулкий стук женских каблуков. Света (так ее звали) была при полном параде, как потом оказалось, она возвращалась с дня рождения подружки и, как и Вася, была слегка навеселе. Поэтому плотоядные глаза соседа ее не напугали, а наоборот, развеселили. Вася вожделем ее полгода, представляя как мнет в руках увесистые груди, как напористо лезет к Свете под платье. Она была чуть старше его тридцати. Весьма хороша собой, особенно когда вульгарно красила губы и подводила глаза черным. Вот как сейчас. Как истинный джентельмен, Василий не мог хватать ее прямо в коридоре и тащить к себе. Тем более он же не один. Вася не был хамом, а потому начал светскую беседу с вполне литературной фразой: «мадам, вы сегодня особо прекрасны». Слово за слово и вот уже дама согласилась на продолжение банкета, вот уже Вася галантно пододвигает ей табурет и подрезает в тарелку сервелат. Познакомить соседку с другом не получилось, так как тот растянулся на диване и очевидно заснул.

– Коля пэрэпыв мабуты- так прокомментировал эту картину Вася.

Вечер был прекрасен. Цокались стопочками, говорили о жизни, смеялись. Вообще все шло к той неловкой паузе, когда внезапно повисает тишина и начинают говорить взгляды, а руки действовать.

– А твой шо, у себя? – впереv в соседку глаза, поинтересовался Вася, с радостью узнавая, что мент сегодня на дежурстве.

– А вот скажи, Вася – завела разговор Света, доверительно коснувшись пальцами васино локтя.

Того как ударило током, внезапный прилив крови скользнул от висков вниз, где все в один момент окрепло и напряглось.

– ...вот если девушка твоего товарища или друга попросит тебя о ласке, ну ты понял о чем я, что ты будешь делать? -в этот миг в глазах Светика зажглось по ****скому огоньку. Она игриво закусила нижнюю губу.

– Ну- задумался Вася, отерев вспотевшие ладони о спортивные штаны- если друга, товарища, то наверное не буду. Это как то не по кентовски. Нехорошо.

– А вот, к примеру, ты моего мужа знаешь. Люстру помогал нам вешать, вместе на рыбалку ходили, пиво вечером пили. Он же тебе, как товарищ, да? – рот Светы расплылся в улыбке

Тут Вася даже и не думал. Сразу вспылил:

– Да он же мент поганый, тоже мени товарысча нашла. Проста сосед. Шоб у миня менты булы в товарищах, нахуя мне такое щастье? -возмутился Вася.

В ответ на это Света потянулась к нему всем телом, как бы желая при помощи губ заставить Васю замолчать. Тот с радостью поддался вперед и вот уже уста прильнули к устам, а васины руки легли на крепкие женские бедра. Следующим делом, он решил проверить, что у соседки под платьем, однако этого не произошло. Сзади них что то заскрипело, а потом хриплым, полу-невнятным голосом раздалось:

– н. нн..еее по кентовски...

– бля, воно нэ спыть, окажется-оглядываясь на Колю, воскликнул Вася.-ты шо тут подглядуешь, что ли?

Но Коля молчал и глаза его были закрыты. Он даже похрапывал.

– ну давай шо ли по одной накатим ище- боясь, что у Светы спадет весь настрой, Вася наполнил стопки.

Минуты через три произошла вторая попытка. На этот раз васина рука успела таки скользнуть под соседкино платье и только потянулась к самому сокровенному, как с дивана раздалось хрипло-утробное:

– ннн... еее по-кентовски...

Коля даже не шевелился, по всем признакам он глубоко спал, тем не менее, как бы представляя собой Всевидящее Око.

– Слышь, ты меня малость подзабав – Вася скрипнул зубами от злости.

Но что тут поделаешь? Выгонять в таком состоянии лучшего друга и правда не по кентовски.

Было еще пару стопок и выход на третий контакт. Васина рука теперь сжимала ее грудь, пробравшись прямо под лифчик.

– Ннннеее по кентовски – прохрипело с дивана и в третий раз.

Тут уже не выдержала соседка.

– Слушай-зашептала она- давай у меня. Я сейчас в душ, а ты минут через десять подходи.

Коля не шевелился. Вася зло поглядывая на полуспящего друга пошпикал из дезодоранта подмышки, оттянул штаны и пшикнул туда. Через десять минут, с полотенцем на плечах, он шел по коридору, насвистывая мелодию из мультфильма про Капитошку. В спортивных штанах параллельно полу, торчало. Как стрелка компаса, по которой он следовал.

Однако, все в одночасье рухнуло... Сквозь приоткрытую дверь Вася увидел лицо Светы.

– Отбой, муж вернулся. Сидит, падла, Ликвидацию смотрит. Давай может в другой раз – и дверь захлопнулась.

Все в Васе разом осело и скукожилось. Облом был жестким. Очень хотелось навешать Коле пи..юлей, но Вася себя сдержал, потому что это не по-кентовски.

Открыв баночку с пивом, Василий сел на табурет и задумался. Почему он не расслышал в коридоре шаги мента? В окно что ли тот пролез, сука?

Капитан Беда

В дверь позвонили,
звонок был долог,
в прихожей пахло ванилью,
мама пекла пирог
и пышные слойки.
Она подошла к двери
и тихо, как всегда
спросила: Кто?
за дверью ответили:
Капитан Иван Беда
Откройте!
Мама посмотрела в глазок,
человек высок,
кажется с усами,
на человеке то ли шинель,
то ли пальто
с виду суров,
как Иван Сусанин
видно с утра обошел
сорок домов.
– Что вам нужно? —
мама спросила резко,
едва не плача
– У меня на руках повестка
для вашего мальчика,
сказал капитан Беда
на манер почтальона Печкина,
– фронту нужна еда,
будьте добры, обеспечьте-ка.-
сурово, как истукан
добавил Беда капитан.
– почему затаились?
долг Родине платежом красен,
я должен вручить повестку,
что не ясно?
– Кажется, прошлой ночью
вы мне приснились-
тихо ответила мама
да, да,
того также звали
капитан Беда!
тоже подкрался к двери тихонько,
только в руках не повестка, а
похоронка.
и шинель на нем была черной,
и лицо было смуглым, словно

копченым,
а еще у него не было глаз
и носа,
и кожа от ожогов розовая,
Вы точно капитан Беда?
Что все это значит?
– Я Беда, фронту нужна еда!
я принес повестку для вашего
мальчика.
2016

Свидание

От слов «генеральная уборка» на Василия Мазура веяло тоской, лишней суетой и беспокойством. Но в этот раз было не отвертеться. На любовном горизонте Васи возникла новая фея, которая после месяца нежных ухаживаний и вожделений в кафе и в кино, согласилась на посещение васиной «берлоги».

Конечно он понимал, что без наведения бытового порядка за каждым углом – дубина энтропии. Раз, другой взмахнет над головой и ты видишь, как мир поглощает хаос: брошенные вещи словно бунтуют, прячутся по темным углам, а на утро и вовсе исчезают. Не верите? Ссыпая в пластмассовый таз стиранные носки, Василий насчитал дюжину разных и совершенно ни одной пары. Чем не мировой рекорд? Эй, гиннесовцы, сюда! А один носок вообще загадочный-белый с мордой медвежонка – Василий готов был поклясться, что никогда его не носил! Разбив комнату на топографические квадраты он принялся заглядывать под батареи, под диван и ванну – от отчаянья даже вышел на кухню и заглянул в холодильник, где взгляд уперся в просшую луковицу. Нигде ни одного носка! Тут уж поневоле поверишь в одноногого домового или в невидимую, но очень прожорливую моль! Пришлось подбирать носки по цвету, впрочем, один черт -оденешь на правую зеленый, на левую красный – никто не заметит. Потому что зима, высокие ботинки и никто не приглашает в гости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.